

БЬЁРКСКИЙ ДОГОВОР КАК ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ XX В.

К 110-летию формирования Антанты

© 2017 А. А. Хлевов

*докт. филос. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры документоведения и
архивоведения, профессор кафедры культурологии
e-mail: hlevov@mail.ru*

Таврическая академия КФУ имени В. И. Вернадского

Нератифицированный договор между Николаем II и Вильгельмом II, подписанный в Бьёрке летом 1905 г., стал важным шагом в формировании как Антанты, так и Тройственного союза. Однако его роль в истории явно недооценена. В статье предложены возможные интерпретации намерений договаривающихся сторон, прослеживаются аналогии с современной международной ситуацией. Проанализирована мотивация обоих монархов и их ближайшего окружения. Подписание договора в Бьёрке рассматривается как ключевой эпизод охлаждения российско-германских отношений, предопределивший противостояние двух стран в XX в.

Ключевые слова: Бьёркский договор, Первая мировая война, Антанта, российско-германские отношения.

С размахом отмеченное европейской и российской общественностью и властными структурами – при посильном участии научных сообществ – столетие начала Первой мировой войны уже стало частью истории. Однако и сама война, длившаяся более четырёх лет, и, главное, приведшие к ней события, разумеется, не перестанут волновать исследователей (как и потребителей этих исследований) в обозримой исторической перспективе. Очевидно, феномен Первой мировой и заключается прежде всего в том, что она представляет собой первую реализованную «в масштабе 1:1» модель международных отношений всех уровней (от демографическо-экономического до военно-стратегического), свойственную эпохе новейшего времени, той самой *contemporary history*, которая и в «буржуазном», и в советском понимании одинаково отсчитывалась откуда-то из недр страшного четырёхлетия 1914-1918 гг. И несмотря на многочисленные и кажущиеся иногда принципиальными изменения в повседневной жизни, наступление новых научно-технологических эпох и приход «поколений x, y, и z», на поверку модель осталась прежней. Трудно сказать, что тому причиной. С одной стороны, международные отношения продолжают быть ареной диалога имперского и антиимперского начал, а также борьбы империй между собой. С другой – механика ведения боевых действий в трёх средах с массовым применением автоматического оружия также за последнее столетие не претерпела кардинального, «философского» переосмысления. Приставка «пост» не сделала индустриальное общество менее индустриальным – скорее наоборот. Впрочем, всё это неудивительно – стоит только вспомнить, что с точки зрения археологии мы продолжаем жить в позднем железном веке, конца которому пока не предвидится.

Как уже отмечалось, предыстория этой войны не менее интересна и поучительна, чем её история. Конфликт такого размаха и масштаба был, по сути, выношен всей европейской историей нового времени, стал её завершающим актом и отразил основные противоречия, большинство из которых имели концептуальный

характер и многовековую историю. Однако ключевые события, обусловившие расстановку сил, конфигурацию альянсов, предметные области противоречий, происходили в последние предвоенные десятилетия. Детальный и весьма объективный анализ полутора десятков предвоенных лет содержится в ставшей классической книге Барбары Такман «Августовские пушки» («Первый блицкриг») [20; 10; 11]. На фоне значительного количества формально более академичных исследований труд Такман отличается исключительной панорамностью восприятия, многофакторным подходом и вниманием к личностным и психологическим деталям, весьма существенно повлиявшим на втягивание государств и народов в войну.

Первая мировая была не только и не столько войной государств и армий, сколько блоковым противостоянием. Её анализ немыслим без учёта того, что противоборствующими сторонами являлись не национальные государства и даже не многонациональные империи, а именно коалиции, внутри которых, между союзниками, взаимных претензий и нерешённых проблем порой было не меньше, чем между противниками. Не менее примечательно, что конфигурация этих коалиций на протяжении предвоенных десятилетий была весьма изменчива. В результате как Антанта, так и блок центральных держав в известном смысле оставались до последнего момента относительно виртуальными союзами, да и в ходе войны часто обнаруживали раздиравшие их внутренние противоречия.

Учитывая, что основная масса воюющих держав в политическом смысле представляла собой монархии различной степени перзрелости, неудивительно, что фактор личных взаимосвязей их лидеров, персональных амбиций и обид – тот самый «человеческий фактор» – играл в подготовке войны одну из первостепенных ролей. И по этому показателю предвоенная эпоха – и в историческом, и в культурологическом аспектах – может быть рассмотрена нами в том числе и как высшая точка развития европейской монархической традиции, период наивысшей зависимости масс от волеизъявлений максимально суженного круга правящих элит. В годы войны, заметим, значение данного параметра резко снизилось, индицируя, кстати, кардинальную смену доминирующей социальной парадигмы в Европе.

Одними из наиболее важных в создании окончательной конфигурации обоих противоборствующих лагерей послужили события 1904–1907 гг. Нет сомнения, что они стали едва ли не самым драматичным этапом в определении того, кто с кем будет воевать спустя несколько лет.

В этом событийном ряду встреча российского и германского императоров на яхтах близ острова Бьёрке летом 1905 г. занимает пусть не особое, но вполне достойное место. Впрочем, внешняя камерность этого исторического эпизода не должна вводить нас в заблуждение: вопросы, поставленные на этой встрече, равно как и её последствия, имели определяющее значение не только для российско-германских отношений, но и для судеб всего собиравшегося воевать человечества. Феномен бьёркского randevu в том, что оно с полным основанием может быть представлено как та самая «точка невозврата», являющаяся ключевым пунктом в кардинальном изменении отношений между великими державами, тот самый момент, начиная с коего «примирение невозможно» и дуэлянты начинают своё движение к барьеру – со всеми вытекающими отсюда последствиями. И в этом смысле ни сама встреча, ни переговоры, ни так и не ратифицированный (и не вступивший, следовательно, в силу) договор между двумя императорами в буквальном смысле не могут быть переоценены. Несмотря на свою кажущуюся «тупикивость», этот документ выступает чрезвычайно важным индикатором ориентаций и намерений сторон, обнаруживает возможные векторы развития событий в это непростое время. Он, без всякого в том сомнения, нуждается как в более пристальной оценке в контексте мировых событий соответствующего времени, так и в более широкой популяризации в рамках исторического и патриотического воспитания.

Обстоятельства этой – в целом весьма приватной и даже интимной – встречи двух императоров стали достоянием истории благодаря как информации, разглашённой самими монархами, так и соответствующим фрагментам мемуаров тех представителей их ближнего круга, кто сопровождал царствующих особ или принимал то или иное участие в этом эпизоде. Впервые документ и сопровождающие его события стали предметом специального внимания и анализа в журнале «Красный архив» в 1924 г. [8, с. 5–49], а в 1928 г. появилась небольшая брошюра Л. Фейгиной «Бьёркское соглашение» [13], посвящённая встрече в Бьёрке. Справедливости ради стоит отметить, что, кроме единственного эмигрантского издания 1930-х гг. [19], непосредственно договору и его обстоятельствам не было посвящено ни одного специального исследования – вплоть до недавнего времени [13; 14].

Вместе с тем сами события встречи в различных форматах описывались и обсуждались неоднократно и относительно хорошо известны кругу заинтересованных специалистов и общественности. В наиболее сжатом изложении они выглядят следующим образом. 6/19 июля 1905 г. император Николай II получил конфиденциальное сообщение от кайзера Вильгельма II, содержащее предложение очередной личной встречи, и в ответ предложил место randevu – один из своих наиболее любимых уголков в Финском заливе, в Бьёркезунде, близ г. Бьёрке (Койвисто, ныне Приморск). Утром 10/23 июля, после обедни, император отбыл из Петергофа в Кронштадт, а оттуда на яхте «Полярная звезда» – на место встречи. Туда же полным ходом шла яхта Вильгельма «Гогенцоллерн». Хотя сама встреча назревала уже достаточно долго, несколько спонтанный характер её и определённый налёт таинственности были совершенно очевидны. Императрица и большая часть приближённых царя не были в курсе дел; по воспоминаниям же кайзеровских офицеров, вплоть до входа в Финский залив им ничего не было известно ни о целях плавания, ни о точке назначения.

Примерно с 22 часов и до 2 часов ночи на 11/24 июля монархи и их приближённые вкусили два «поздних обеда»: сперва на борту «Полярной звезды», а затем на яхте кайзера. На следующий день «Ники» и «Вилли» обменивались визитами, наблюдали артиллерийские учения на крейсере «Берлин», слушали музыку в исполнении оркестра, обедали, активно употребляли коньяк и т. д. Около 17 часов суда разошлись, а к 22 часам 11/24 июля 1905 г. император был уже в кругу семьи в Петергофе. «Аликс встретила нас у морских ворот. Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведенных с Вильгельмом часов!» – записал царь в своём дневнике [3, с. 269].

За всеми этими событиями и был, внешне незаметно, подписан договор, ради которого кайзер «на всех парах» и устремился в бьёркские шхеры. Обстоятельства его подписания в чём-то вполне анекдотичны. Монархи, очевидно, выпили уже немало коньяка, когда Вильгельм, оставшись с Николаем наедине, извлёк заранее подготовленный текст договора и предложил подписать его. Находившийся в прекрасном расположении духа царь, почти не задумываясь, «подмахнул» бумагу после прочтения. В силу необходимости контрассигнации документа сановниками значительного ранга, кайзер предусмотрительно захватил с собой графа Генриха Леонхарда фон Чиршки-унд-Бёгендорфа, министра иностранных дел Германии, позднее (с 1907 г.) ставшего послом Германии в Австро-Венгрии. Тот незамедлительно был вызван в каюту и также поставил свою подпись. В своих мемуарах А.П. Извольский пишет:

«Ввиду того что в царской свите не было никого, равного по рангу и по осведомленности этому чиновнику, германский император настоял призвать адмирала Бирилёва, русского морского министра, который присутствовал на борту "Полярной Звезды" в качестве гостя.

Старый моряк, совершенно не осведомленный в вопросах внешней политики, был призван в последний момент и без колебаний приложил свою руку к документу, о содержании которого он не мог даже догадываться; действительно, одно из лиц царской свиты рассказывало мне, что в то время, когда адмирал Бирилев подписывал свое имя в конце страницы, верхнюю ее часть царь закрывал рукой. Когда впоследствии адмирал Бирилев был спрошен об этом графом Ламздорфом, он заявил, что если бы он оказался снова в том же положении, он сделал бы то же самое, считая своим долгом как морской офицер повиноваться беспрекословно своему государю» [4, с. 44].

В мемуарах С. Ю. Витте А. А. Бирилёв ответил ему на вопрос о том, знал ли он содержание подписанного договора: «А вот что в ней заключается, не имею ни малейшего представления. Было же дело так. Призывает меня государь в каюту-кабинет и говорит: “Вы мне верите, Алексей Алексеевич?” После моего ответа он прибавил: «Ну, в таком случае подпишите эту бумагу. Вы видите, она подписана мною и германским императором... Он желает, чтобы её скрепил и кто-нибудь из моих министров». Тогда я взял и подписал [2, с. 430]».

Текст договора, краткий и весьма «телеграфный», многократно публиковался и, пожалуй, куда как более широко известен, чем обрамляющие его исторические факты, тем не менее, именно в силу краткости и принципиальной важности, его стоит привести здесь полностью:

«Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения мира в Европе, установили нижеследующие статьи оборонительного союза:

СТАТЬЯ I

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница её придёт ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

СТАТЬЯ II

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

СТАТЬЯ III

Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет денонсирован за год вперед.

СТАТЬЯ IV

Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить её присоединиться к нему в качестве союзницы.

ВИЛЬГЕЛЬМ

НИКОЛАЙ

ФОН ЧИРШКИ-БЁГЕНДОРФ

А. БИРИЛЁВ».

Сам факт подписания договора и, разумеется, его содержание оставались достаточно долго неизвестными царскому окружению. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф был проинформирован спустя пятнадцать дней, а предсовмина С.Ю. Витте до 16 сентября находился на переговорах в Японии и, разумеется, в известность также не ставился. Впрочем, в этом вопросе – кто и когда кого проинформировал и на каких уровнях происходила утечка информации – с лёгкой руки А. П. Извольского существует весьма изрядная путаница [4, с. 42]. Всё же не вызывает сомнения, что Николай нисколько не стремился поскорее обнародовать текст договора хотя бы и в узком кругу, да и в целом полностью поддерживал в эти дни репутацию «милого, доброго человека», по словам А.Н. Бенуа. Показательны слова из дневника Николая II, относящиеся к 12 июля: «С утра жизнь вошла в обычную колею. Радостно было увидеть детей, но не министров» [3, с. 269].

Суть проблемы заключалась, как неоднократно указывалось в литературе, в том, что Николай усмотрел в договоре прежде всего антианглийскую оборонительную направленность, приняв его, к тому же, как «руку помощи» от Германии на фоне поражений на Дальнем Востоке и пылавшей революции. Учитывая откровенную и неизбывную враждебность Британии к России, самоочевидную и для всероссийского самодержца, договор не содержал в себе ничего предосудительного. Сомнительно, что летом 1905 г. кто-либо мог представить себе вполне конфигурацию Антанты к началу Первой мировой: достаточно взглянуть на русские и британские карикатуры периода Русско-японской войны и Портсмутского мира, чтобы понять, что «вторым номером» в ряду очевидных и неизбежных противников России после Японии стояла Великобритания.

Министры же, и в первую очередь В.Н. Ламздорф, бывший с конца 1880-х гг. «главным архитектором» франко-русского союза, усмотрели в Бьёркском соглашении в первую очередь отчётливую и очевидную антифранцузскую направленность, ставившую крест на выстраивавшихся десятилетиями связях с французскими союзниками, в случае ратификации и даже огласки факта заключения договора, разумеется. Не менее реальным был и крест на французских кредитах и инвестициях, в которых остро нуждалась российская экономика. В этом смысле фактически невыполнимый в силу крайнего франко-германского антагонизма 4-й пункт договора выглядел как явная немецкая уступка Николаю, своего рода приманка, усыпляющая бдительность. Именно поэтому текст договора, предъявленный императором министрам, вверг последних в едва ли не истерическое состояние.

Судя по всему, даром убеждения и Витте, и Ламздорф, и Извольский, и другие дипломаты и военачальники обладали в полной мере, поскольку император весьма быстро осознал безрассудность совершённого шага и в дальнейшем приложил максимум усилий к тому, чтобы «спустить на тормозах» все последствия заключённого соглашения. Не говоря уже о том, что не предпринималось попыток к ратификации договора на уровне Государственной думы, Николай 13/26 ноября 1905 г. отправил личное послание Вильгельму, настаивая на редакции текста договора. В частности, требовалось оговорить в договоре неприменимость его 1-й статьи вплоть до исполнения всех условий пресловутой 4-й статьи – до заключения реально действующего и прочного русско-франко-германского союза, что, в сущности, превращало существующий договор в фикцию декларативного свойства и полностью его обесценивало, делая невозможной ратификацию.

После неоднократных попыток воззвать к дружеским и даже родственным чувствам «кузена Ники», кайзер, очевидно, осознал тщетность усилий. Всё это происходило на фоне планомерно охлаждавшихся русско-германских отношений,

постепенного примирения России с англичанами и всё более тесной дружбы с Францией – не оставшейся, кстати, в неведении относительно едва не заключённого тайного союза и серьёзно им встревоженной. В результате к осени 1907 г. Антанта, после заключения русско-английского соглашения, стала уже триединой реальностью. К этому же времени российско-германские отношения испортились окончательно. Формирование блоков и союзов в Европе (а следовательно, и в мире) фактически завершилось. Фигуры были расставлены на доске, и начало мировой войны стало вопросом времени и случая.

Договор, подписанный императором Николаем II и кайзером Вильгельмом II на борту яхты «Полярная звезда» 11/24 июля 1905 г., неоднократно упоминался в исторической, историко-дипломатической и учебно-исторической литературе, а также оказывался в поле зрения популяризаторов истории [5, с. 561–566, 575–577; 16, с. 11–15; 17, с. 472–484]. В существенно меньшей степени к нему проявляется интерес в контексте преподавания всеобщей и отечественной истории в средней и высшей школе. Неизменное внимание авторов при этом обычно привлекают обстоятельства заключения договора, подписанного вдали от высших сановников и советников, его секретность, поспешный характер и внешне явно выраженная инспирированность кайзером, а также обстоятельства самого подписания. Роль же самого Бьёркского соглашения в истории дипломатии, внешней политики России и Германии, европейской и мировой истории, как правило, оценивается не слишком высоко, и договор рассматривается как нечто проходное и малозначительное.

Между тем документ этот, без малейшего в том сомнения, должен быть отнесён к числу исключительно важных и вполне эпохальных межгосударственных дипломатических актов. Предпочтительнее видеть в нём обоюдную попытку двух монархов совершить, выражаясь языком современной дипломатии, «перезагрузку» отношений исторических соседей и давних союзников. Ведь вплоть до Крымской (Восточной) войны Россия и германские государства гораздо чаще находились в союзных и дружественных отношениях, чем пребывали в конфликтной ситуации между собой. Напротив, культурно близкая Франция исторически чаще всего оказывалась в войне и политике на противоположной стороне. Об Англии и говорить не приходится. Не случайно ожесточённая конфронтация между Россией и Германией на протяжении всего XX столетия воспринимается в различных кругах нередко как нечто противоестественное и нетрадиционное; тем характернее эта тенденция была для 1905 г.

Примечательно, что Бьёркский договор относительно активно изучался и упоминался в историографии межвоенного периода – как в советской, так и в зарубежной, включая историографию русской эмиграции [8, с. 5–49; 18, с. 435–528; 1, с. 300–308; 4, с. 29–61; 19, с. 204]. Существует не менее полутора десятков работ различных жанров – социально-политической и военной истории, истории дипломатии, мемуарного и др., так или иначе, более или менее пространно, с весьма разных позиций касающихся данного документа. Судя по прямым и косвенным указаниям, по оговоркам в тексте мемуаров А.П. Извольского, большевистское правительство активно использовало этот договор в пропагандистских антимонархических целях – во всяком случае, существовала такая установка, вполне соответствующая «настроениям момента». Однако примечательно, что аналитика практически исчезает после начала Второй мировой и Великой Отечественной войны, замещаясь в изданиях последующего периода констатацией и описанием фактов. Исключения весьма редки.

Очевидна также достаточно солидарная позиция абсолютного большинства публикаций, связывающая инициативу подготовки и подписания этого документа с Германией и лично кайзером Вильгельмом II. Вместе с тем нуждается в более

взвешенном анализе личная позиция Николая II и его роль в возникновении договора, как и в целом его отношение к Германии соответствующего периода. Путь к этому лежит, судя по всему, через тщательный анализ и своего рода «проживание» ситуации с учётом действий узкого круга причастных к подписанию договора лиц, более пристальное внимание к противоречиям в кругу царских министров (в частности, между С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорфом), обстоятельный учёт влияния событий русской революции.

Так, в литературе уже обращалось внимание и на заинтересованность Николая II (и ряда лиц в его окружении) в серьёзном сближении с Германией в противовес Англии и отчасти Франции [12, с. 83, 86, 91–94], и на личную инициативу императора в составлении проекта подобного документа за несколько месяцев до того, а также на его важную роль в организации самой встречи в бьёркских шхерах [7, с. 293].

Как представляется, нуждается в серьёзном пересмотре весьма широко распространённая в официальной историографии точка зрения, согласно которой абсолютная неизбежность франко-русского, а затем и франко-англо-русского союза в этот период довлела над умами представителей властной элиты Российской империи, в противовес нелогичной, неуместной, а порой чуть ли не капризной германофилии русского самодержца. На сегодняшний момент альтернативные оценочные взгляды представлены либо в весьма архаичной эмигрантской историографии, традиционно именуемой «монархической», либо в популярной литературе, написанной с плохо скрываемой претензией на сенсационность.

Вместе с тем элементарный анализ контекста соглашения, предшествующей переписки императоров, мемуарной литературы показывает, что в реальной обстановке середины 1905 г., на фоне революционного движения и всего за несколько недель до этого разразившейся цусимской катастрофы на Дальнем Востоке (14–15/27–28 мая 1905 г.), поиски альтернативных внешнеполитических векторов были как никогда актуальны.

Столь же необходима более разносторонняя и многофакторная оценка противостояния великих держав в описываемый период. Бьёркский договор оказался в эпицентре драматических событий Марокканского кризиса, а также очередного обострения отношений между европейскими державами в 1905–1907 гг. Как представляется, он является важным индикатором намерений, по крайней мере, двух ключевых участников мирового противостояния. В то же время, этот договор – по традиции – продолжают описывать весьма однобоко: лишь как часть немецкой «Большой игры» против Англии. Однако роль российской стороны в этой внешнеполитической игре была куда более существенной и с концептуальной точки зрения активной – хотя и поневоле.

Столь же важным может оказаться учёт фактора технических нововведений в военной области этого периода – в частности, в сфере судостроения, «угольном вопросе». Европейские страны стояли на пороге фактически полного перевооружения своих флотов, существенной корректировки характеристик составлявших их судов, что принципиально по-новому ставило вопросы их присутствия в колониях и борьбы за таковые. С исключительной остротой вставал вопрос контроля за угольными станциями в Мировом океане. В сущности, гонка морских вооружений, с лёгкой руки адмирала Фишера, начиналась с нуля, и необходимо учесть, в какой степени высшее руководство двух империй, на основании имевшихся разведданных, отдавало себе в этом отчёт. Оба самодержца – не только германский – имели собственные виды на флоты открытого моря и присутствие в океанах, обе страны зависели от морских коммуникаций. Анализ соглашений этого периода, история Марокканского кризиса да и события начального, «рейдерского», этапа морской войны 1914–1918 гг. со всей

очевидностью показывают, что идея «антианглийской военно-морской сборной» в любой конфигурации и составе не только была актуальна, носилась в воздухе, но и являлась единственно возможной альтернативой британскому засилью на морях. При любом формате этой сборной вопрос контроля и принадлежности угольных станций с началом войны становился решающим и для России, и для Германии. Показателен просительный и едва ли не заискивающий тон кайзера в письме к Николаю, относящемся ко времени, когда стала почти очевидна безнадёжность перспектив соглашения: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом... Что подписано, то подписано...» [5, с. 576].

Безусловно, как уже отмечалось выше, отдельного и пристального внимания заслуживает осмысление Бьёркского договора и несостоявшегося союза двух континентальных империй как исторической «точки невозврата», завершившей длительную эпоху достаточно близких и часто союзных отношений России и Центральных держав. Эпоху, которая уходит корнями в допетровские времена. В известном письме 1926 г. В. А. Сухомлинову бывший кайзер, а теперь уже просто Вильгельм Гогенцоллерн, писал: «...Он (договор. – А. Х.), однако, не вступил в действие вследствие вмешательства русской дипломатии (Извольский, Сазонов), русских генералов, членов Думы и других деятелей. Мировая война, к которой они стремились, не оправдала их надежд, опрокинула все их планы, и царь, равно как и я, потерял престол. Ужасные последствия, которые навлекло на Россию её нападение на Германию, и все последующие события показывают, что оба государства найдут свое спасение в будущем, как и сто лет назад, лишь в тесном, взаимном единении и по восстановлении монархии в обеих странах» [6, с. 67]. Из этого пассажа можно извлечь массу информации: и всю уязвлённую и обиженную фигуру кайзера, и целый список его неврозов и психодиагнозов, и утопическое непонимание тенденций социального прогресса. Однако здесь есть над чем задуматься и нашему современнику, отстранившемуся от реалий и 1905-го, и 1926-го годов. Нам представляется, что современный период даёт как обильную пищу для переосмысления и соотнесения роли союзов с различными великими державами в контексте полезности или вредоносности таковых для России, так и для умозаключений о ценности тех или иных форм управления государством и, быть может, их осмысленной коррекции.

Не будучи оголтелым приверженцем монархистских идей – и уж в особенности применительно к персоне последнего по счёту действовавшего государя-императора – автор, тем не менее, склонен рассматривать как не вполне корректные и столь же не вполне соответствующие исторической истине отдельные формулировки современных учебников для вузов, одобренных и принятых к использованию на самом высоком уровне. «Российская дипломатия, терявшая почву под ногами», и «растерянный царь» [9, с. 322], при всей справедливости печального положения России летом 1905 г., однако, заслоняют от читателя (и студента) то обстоятельство, что «Вилли» в этот период был ничуть не менее растерян, чем «Ники». Две империи, как это нередко случалось в истории, отчаянно нуждались друг в друге, но при этом сохраняли ясное представление о собственных стратегических интересах. Справедливости ради отметим, что авторы данного учебника достаточно взвешенно подходят к возможности русско-германского союза и всерьёз рассматривают его перспективы, чего нельзя сказать о ряде других работ, затрагивающих тему Бьёркского соглашения. Общая тональность традиционно задаётся указанием на едва ли не маниакальную нацеленность России на французские займы и абсолютно взаимоисключающий характер русско-германского и русско-французского союзов. Между тем обоюдная заинтересованность императоров в союзе консервативных сил Европы в пику парламентским демократиям континента, а также действительно неразрешимые русско-

английские и германо-английские противоречия столь же традиционно подаются как нечто малозначащее и второстепенное. Автор всё же полагает, что время отклонения историографического маятника в сторону истинной геометрической вертикали уже пришло.

Библиографический список

1. *Бюлов Б.* Воспоминания / перев. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М.–Л., 1935. По изд.: Bülow, B. Denkwürdigkeiten. Hrsg. von F. Stockhammern. Bd 2. Berlin. 1931. S. 136–151.
2. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Л. : Госиздат, 1924.
3. *Дневники императора Николая II.* М.: Орбита, 1991.
4. *Извольский А. П.* Воспоминания / перев. с англ. А. Сперанского. Пг.-М. 1924. Печ. по изд.: Iswolsky A. Recollections of a foreign minister (Memoirs of A. Iswolsky). Transl. by C. L. Seeger. Garden City - Toronto. 1921.
5. *История дипломатии.* М.: Госполитиздат. 1963. Т. 2.
6. *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1978.
7. *Ольденберг С.* Царствование Императора Николая II. Белград: Издание общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939.
8. *Русско-германский договор 1905 г., заключённый в Бьёрке.* М.: Красный архив. 1924. Т. 5.
9. *Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А.* История России с древнейших времен до наших дней: учеб.: в 2 т. Т. 2 / под ред. члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М.: Проспект, 2009. 720 с.
10. *Такман Б.* Августовские пушки. М.: Молодая гвардия, 1972.
11. *Такман Барбара.* Первый Блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.
12. *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М.: «Памятники исторической мысли», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.
13. *Фейгина Л.* Бьоркское соглашение. М., 1928 (приложен текст договора).
14. *Хлевов А. А.* «Точка невозврата» или дипломатический курьёз? Бьёркский договор в современной историографии // Первая мировая война и проблемы российского общества. СПб., 2015.
15. *Хлевов А. А.* Бьёркский договор 1905 года // Россия – Финляндия: на перекрестках истории: конф., посвящ. 90-летию церкви в Койвисто – Приморске. Приморск, 1995.
16. *Шаццлло В. К.* Первая мировая война: 1914–1918: факты, документы. М.: Олма-Пресс, 2003.
17. *Широкопад А. Б.* Россия–Англия: неизвестная война 1857–1907 гг. М.: АСТ, 2003., С. 472–484.
18. *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871–1914.* Bd 19. Hf. 2. Berlin. 1925. S. 435–528.
19. *Reinach, J. P.* Le traité de Bejoerkoe (1905). Un essai d'alliance de l'Allemagne, la Russie et la France. Paris, 1935. V. VIII.
20. *Tuchman B.* The Guns of August. N. Y.: Macmillan, 1962.